

ДЕЛЕГАЦИЯ В СИБИРЬ ОТ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ И ЕЕ РОЛЬ В РЕОРГАНИЗАЦИИ НЕЛЕГАЛЬНЫХ ВОЕННЫХ СТРУКТУР ОМСКА

Статья посвящена тайной миссии генерала В.Е. Флуга, посланной генералом Л.Г. Корниловым на Восток России, ее роли в становлении антисоветского подполья в Омске и Сибири весной 1918 г., особенно в сравнении со значением нелегальной военной деятельности эсеров-областников.

Ключевые слова: белое движение; кадеты; эсеры; подполье.

Историографической традицией стало связывать возникновение антисоветского военного подполья в Сибири с эсеров-областническим проектом и деятельностью нелегальных структур Временного правительства автономной Сибири. Независимое зарождение тайных офицерских групп признается, но руководящая роль в региональном подполье отдается партии эсеров [1. С. 110–137; 2. С. 106–115, 124; 3. С. 191–195, 198–199 и др.]. При таком подходе изменение тактики борьбы ПСР против большевиков не соотносится с общей эволюцией отношения эсеров к советской власти, военная деятельность правых кругов недооценивается или игнорируется, а офицерство представляется как сила, не способная на самостоятельные политические действия.

Важными источниками в изучении антисоветского подполья Сибири остаются отчет генерала В.Е. Флуга, составленный в феврале–марте 1919 г., и доклад его помощника подполковника В.А. Глухарева, датированный 12 мая 1918 г., а также приложения к ним [4. С. 243–304; 5. С. 356–370]. Эти давно опубликованные документы используются, однако, весьма поверхностно, фрагментарно, чему в немалой степени способствовало то, что большинство фамилий в отчете Флуга публикаторы-эмигранты, во избежание репрессий в Советской России, заменили произвольными буквами.

Неопубликованные воспоминания В.Е. Флуга [6, 7] позволяют получить более полную картину. Но раскрывший некоторые фамилии московский историк А.В. Ганин не провел сравнительного анализа мемуаров и отчета и в результате допустил ряд неточностей и ошибок. Вне поля его зрения остались такие важные моменты, как взаимодействие Делегации Добровольческой армии в Омске с кружком правых кадетов, налаживание через него финансирования военного подполья, контакты Флуга с эсеровским уполномоченным по Западно-Сибирскому военному округу В.А. Смарен-Завинским и т.д. Нельзя согласиться и с недооценкой роли Делегации: дескать, «с ее появлением кардинальных перемен не произошло» [8. С. 41–47]. Если состав, задачи, политическая платформа, маршрут и конспиративная сторона деятельности миссии Флуга установлены, то вопрос о значении ее в становлении военного подполья Омска и Сибири, особенно в сравнении с деятельностью эсеровских структур, представляется дискуссионным.

После Октябрьского переворота абсолютное большинство членов Партии социалистов революционеров (ПСР) склонилось к идее однородно-социалистической коалиции, надеясь заставить большевиков поделиться властью мирными средствами. Отношение эсеров к Белому движению было отрицательным; считалось, что пускать в ход оружие можно, лишь завоевав на свою

сторону народные массы. Военная комиссия ЦК ПСР планировала взятие власти Учредительным собранием как перерастание в восстание мощных манифестаций. На союз с правыми подпольными организациями эсеры в конце 1917 – начале 1918 гг. не шли. ЦК и региональные комитеты ПСР даже после разгона Учредительного собрания выступали против заговорщических методов, за работу внутри совдепов с целью их переизбрания [2. С. 80–82, 87–88, 91, 95; 9. С. 88–97; 10. С. 313–316, 337–339].

Чрезвычайный сибирский областной съезд высказался за создание Сибирского правительства в составе от энесов до большевиков включительно. Предложение создать боевой отряд Сибоблсовет отверг. А когда офицеры (до 200 чел.) сплотились сами, отношения между их организацией и Сибоблсоветом были неофициальные, полулегальные. Точно также эсеры-областники отвергли идею А.А. Сотникова перебросить в Томск Красноярский казачий дивизион [11. С. 2]. При желании умеренные социалисты Сибири вполне могли создать очаги вооруженного противостояния большевикам. В Семипалатинской области, например, у них было на это 3–4 месяца (облкомиссар Ляшкевич с января 1918 г. считался «комиссаром Сибирского правительства»). Но областные представительные органы, социалистические по составу, надеялись на соглашение с большевиками [12. 17 янв. С. 3; 13. 20 янв. С. 4].

Безрезультатность протестных кампаний, банкротство идеи однородно-социалистической власти, Брестский мир, ликвидация большевиками в феврале–марте 1918 г. городских и земских самоуправлений, репрессии против оппозиции – все это заставило ПСР отказаться от тактики постепенного «оттягивания масс» из-под влияния большевизма и завоевания голосов в совдепах. В Сибири переломным рубежом стали 20-е числа марта, когда местные организации ПСР начали переходить на нелегальное положение и распространять программу Сибоблдумы с призывом создать для борьбы с большевиками Сибирскую Добровольческую армию [2. С. 92, 96–98, 100–102]. Новый курс ПСР предполагал использование в своих политических целях ценовых элементов и особенно офицерства. На преодоление взаимного предубеждения и на реальное подчинение эсерам тайных военных организаций требовалось, однако, время.

Факты финансирования кооперацией офицерских организаций и вхождения ее представителей в их штабы не являются доказательством причастности ПСР к зарождению военного подполья. Это заслуга правых социалистов, оставшихся верными коалиции с цензовиками, а не эсеров-центристов типа П.Я. Дербера, которые и реализовывали эсеров-областнический проект.

Видный кооператор А.В. Сазонов, в январе–мае 1918 г. много сделавший для финансирования подполья, еще в Предпарламенте пытался создать фракцию эсеров-государственников [14. С. 628; 15. С. 76]. В Омске в кооперации были сильны позиции правых эсеров-оборонцев, которые после Октябрьского переворота откололись от местной организации ПСР, создав самостоятельную группу «Воля народа» во главе с председателем правления Союза западносибирских кооперативов В.В. Куликовым [9. С. 87]. Такие ключевые фигуры сибирской кооперации, как А.В. Сазонов, В.В. Куликов, А.А. Балакшин, – это крайне правые эсеры, по сути бывшие в 1918 г. уже вне ПСР и поддерживавшие А.В. Колчака. Кроме того, среди руководителей кооперации были и энесы, и меньшевики-оборонцы [16. 14 дек. С. 3].

Зарождение военного подполья в Сибири стало результатом самоорганизации части офицерства, главным образом беспартийной офицерской молодежи, без политического руководства с чьей-либо стороны. В Омске первая нелегальная офицерская организация возникла в сентябре 1917 г. [17. 17 янв. С. 3], вероятно, как реакция на поражение Л.Г. Корнилова. В декабре 1917 г. начал свою конспиративную работу против большевиков капитан К.В. Неволин (Неофитов), которого современник назвал «пионером и душой этого дела в Омске» [13. 2 июля. С. 2]. В январе 1918 г. возникли тайные организации: офицерская есаула И.Н. Красильникова в Омске, казачьи – в станицах Атаманской (под Омском) и Петропавловской [18. Л. 4об.]. Последнюю возглавил полковник П.П. Иванов, приведший с фронта Отдельную Сибирскую казачью бригаду [19. Л. 97–97об.].

Первым, кто действительно попытался сплотить сибирское офицерство в единую организацию для борьбы с советской властью, был генерал Л.Г. Корнилов. В декабре 1917 г. в Новочеркасске он встречался несколько раз со своим однокашником по кадетскому корпусу войсковым старшиной Е.П. Березовским, бывшим на Дону в командировке на предмет присоединения Войскового правительства Сибирского казачьего войска к Юго-Восточному казачьему союзу. На первую встречу с Корниловым Березовский ходил вместе с членом Совета Союза казачьих войск от сибирцев ветврачом Е.Я. Глебовым. Как и другие мемуаристы, Березовский вспоминал, что Корнилов в то время «собирался перебраться в Сибирь и там начать большое и широкое дело» [20. С. 3]. Особо доверенное лицо Корнилова прапорщик П.М. Мартынов совершил в декабре–январе поездку из Новочеркаска в Сибирь и обратно. Он установил в Омске связи и, покидая город, снял в нем и оставил за собой квартиру [6. Л. 174; 7. Л. 9].

Вынужденный остаться на Юге Корнилов, тем не менее, направил в Сибирь тайную миссию, инициатива которой всецело принадлежала ему. Он же профинансировал ее из своего особого фонда, снабдил «Политической программой» и собственноручными письмами в Омск к Е.П. Березовскому и Е.Я. Глебову. Еще одно рекомендательное письмо к своему омскому знакомому дал член ЦК кадетской партии М.М. Федоров [4. С. 246; 6. Л. 157, 161–163, 179–181, 173]. Главой «Делегации в Сибирь от Добровольческой армии» или

иначе начальником «Сибирского отдела Союза защиты Родины и Свободы» был назначен генерал В.Е. Флуг. А помощником его (по политической части) – подполковник артиллерии В.А. Глухарев (до мировой войны помощник прокурора Санкт-Петербургского окружного суда); он когда-то работал в Сибири, его родной брат инженер-путеец А.А. Глухарев жил в Омске. Кроме Флуга и Глухарева в составе миссии в Сибири работали две женщины, взятые для лучшей конспирации, а также в качестве шифровальщиц и переписчиц [4. С. 244, 246–247; 6. Л. 184–187, 191; 7. Л. 10].

Делегация Добровольческой армии нелегально работала в Омске с 29 марта по 27 апреля 1918 г. Первые ее шаги были неудачны. Знакомый М.М. Федорова (мемуарист указал только, что это был инженер, бывший строитель Кулундинской железной дороги) попытался свести Флуга с видным местным кадетом присяжным поверенным А.С. Кабалкиным, но тот струсил и на встречу не явился [7. Л. 11–12]. Не дал нужных контактов и визит к архиепископу Омскому и Павлодарскому Сильвестру. Через А.А. Глухарева удалось выйти на А.А. Скороходова, временного заместителя В.А. Жардецкого по лидерству в местном отделе Партии народной свободы. Но тот, принадлежа к левому крылу кадетов и ссылаясь на директивы ЦК своей партии, занимал пассивно-выжидательную позицию, упоывая на интервенцию Японии. Видимо, именно Скороходов дал Флугу отрицательные сведения о тайных военных «отрядах» Омска, якобы «влачащих жалкое существование» [4. С. 251; 7. Л. 16–18].

Встретиться с Е.П. Березовским и Е.Я. Глебовым долго не удавалось (первый был занят в заседании 3-го войскового круга, второй по поручению Совета Союза казачьих войск ездил с Дона на Украину). Флуг готов был признать неудачу и ехать из Омска далее. Но долгожданые встречи, наконец, состоялись и изменили все, письма Корнилова произвели надлежащее действие. Глебов свел Делегацию с руководителями одной из подпольных офицерских организаций. Березовский (сам кадет) ввел ее в тайный кружок правых кадетов, который принял за основу своей деятельности «Политическую программу генерала Корнилова» [4. С. 251–252; 7. Л. 19–20, 34].

Кружок этот возглавляли присяжный поверенный Д.С. Каргалов и председатель Омского военно-промышленного комитета Н.П. Двинаренко (по Флугу, если и бывший матрос, то «сильно обтесавшийся и интеллигентный, хотя по физическому складу и крепкий сибирский мужик»). Обоих Флуг охарактеризовал как «энергичных и мужественных деятелей». Из других членов кружка он назвал в мемуарах С.А. Алчадаевского, Г.Е. Грязнова, М.Н. Ванькова, А.П. Мальцева [7. Л. 21, 50]. Все это представители деловых кругов Омска, группировавшиеся вокруг военно-промышленного комитета.

Каргаловский кружок однозначно был монархическим. Вместе с Флугом он рассмотрел предложение по освобождению представителей династии Романовых. Если планы спасения Николая II и его семьи были отвергнуты как фантастические, то на похищение из Перми великого князя Михаила Александровича кружок ассигновал потребную сумму [4. С. 252; 7. Л. 21, 51].

При обследовании омского военного подполья Флуг выяснил, что самой большой (несколько сот человек)

была организация во главе с коллективным штабом из офицеров и представителей кооперации. Фактическим ее руководителем являлся капитан 109-го Камского пехотного полка, Георгиевский кавалер В.Э. Жилинский, произведший на Флуга «впечатление надежного офицера». Хотя в либеральных кругах Омска говорили об ее «эсеровской окраске», правильнее назвать эту организацию внепартийной, но ради получения денег от кооперации пошедшей на некоторые уступки правым социалистам. Тем более, материальную помощь она получала не только от кооперативов, но и от «коммерсантов из числа менее крупных». Организация действовала: выработала план боевых действий, внедрила в советские структуры агентуру, добывала оружие [4. С. 251–253, 255; 7. Л. 24].

Вряд ли у Жилинского были симпатии к эсерам, осенью 1919 г. он будет командовать 1-м Егерским полком бригады И.Н. Красильникова [21. Л. 1–4]. Он заверил Флуга, что его сподвижники в большинстве не являются социалистами и вообще стоят вне партий. В конечном итоге организация Жилинского согласилась принять политическое руководство и финансирование Каргаловского кружка и подчиниться военачальнику, назначенному Флугом. Флуг решил взять ее за основу Омского военного подотдела Сибирского отдела Союза защиты Родины и Свободы.

Чтобы в Омский подотдел вошли и «другие, преимущественно казачьи, организации», следовало поставить во главе его авторитетное для казаков лицо. Е.П. Березовский, затем Каргаловский кружок рекомендовали Делегации руководителя петропавловского казачьего подполья полковника П.П. Иванова. В середине апреля Флуг съездил в Петропавловск и договорился с Ивановым, который согласился принять политическое руководство Каргаловского кружка и возглавить объединенные вооруженные силы. С его назначением Омскому подотделу подчинились все «казачьи боевые организации», произошло объединение всех нелегальных военных структур Омска и Петропавловска [4. С. 253–254; 7. Л. 27–29].

Каргаловский кружок, согласовав ежемесячный бюджет подотдела, сразу взялся за финансирование: немедленно сделал через Флуга первые взносы, образовал для сбора с предпринимателей средств финансовый комитет. Флуг вспоминал, что через его руки прошел первый месячный взнос подотделу в сто тысяч рублей. Помощь местного торгово-промышленного класса позволила увеличить численность тайных отрядов Омска и установить их бойцам хорошие месячные оклады: наименьший – 250 руб. рядовому офицеру (в Иркутске не более 100 руб.) [4. С. 254, 261; 7. Л. 36; 19. Л. 43].

Делегация и Каргаловский кружок совместно с П.П. Ивановым приняли детальный план восстания, решив на первое время установить в Омске военную диктатуру Иванова, наметили состав местного временного коалиционного правительства с правыми социалистами на менее ответственных постах, разработали план его первоочередных мероприятий. В дальнейшем предполагалось уступить власть более сильному, политически близкому правительству. Каргаловский кружок и Иванов просили, чтобы генерал Корнилов прие-

хал в Омск и возглавил восстание. Делегация в донесениях на Юг предложила перенести базу Добровольческой армии в Западную Сибирь [4. С. 254–255; 5. С. 361, 366–367, 369; 19. Л. 97об.].

24–25 апреля в Омск из Томска прибыл уполномоченный военного министра Временного правительства автономной Сибири А.А. Краковецкого по Западно-Сибирскому военному округу прапорщик, из политссыльных, В.А. Смарен-Завинский (псевдоним Сатин). Цель его приезда – «собрать сведения об омских военных организациях и объявить им о принятии их военным министром под свое начальство». Но Каргаловский кружок отказался признать чисто эсеровское правительство П.Я. Дербера. Поскольку Смарен-Завинский опоздал, инициатива уже была захвачена Делегацией Добровольческой армии, ему пришлось ограничить свою задачу в Омске «чисто информативными рамками». Характерно, что он убеждал омских подпольщиков, будто в правительство Дербера вот-вот войдут цензовики, что офицерские организации других городов Сибири признали власть Краковецкого и т.п. По Флугу, мистификация была типичным приемом, с помощью которого эсеры пытались подчинить себе военное подполье [1. С. 111–112; 4. С. 256–258; 7. Л. 47].

Трехдневное пребывание Делегации Добровольческой армии в Томске (28–30 апреля), резиденции Смарен-Завинского, показало, что у эсеров нет преимущества даже там. Самой многочисленной и финансово обеспеченной оказалась внепартийная офицерская организация, связанная с Потанинским кружком и ориентированная на харбинский Дальневосточный комитет, во главе с полковником артиллерии Н.Н. Сумароковым при начальнике штаба подполковнике А.Н. Пепеляеве. У нее к тому же имелось соглашение с чисто монархическим «отрядом». Сам Сумароков был «прямым и упрямым монархистом». Деньги ему давали местные предприниматели. Но самое главное, установив в феврале 1918 г. связь с Харбином, внепартийная организация Томска в течение двух с небольшим месяцев получила оттуда, от «штаба генерала Плешкова», 700 тыс. руб., что сделало ее совершенно самостоятельной от эсеровских структур [1. С. 115–116; 4. С. 261, 259, 258; 5. С. 362, 363; 7. Л. 72; 22. С. 37, 45–46].

Политики, предприниматели, военные, сплотившиеся в Харбине вокруг генерала Д.Л. Хорвата, приняли меры к созданию подполья в Сибири ранее, нежели миссия Флуга и, тем более, эсеры-центристы. А переброска людей и средств из Центральной России на Восток началась сразу после Октябрьского переворота. В ноябре 1917 г. офицеров и деньги из Москвы в Сибирь отправлял Н.И. Гучков, брат лидера октябристов А.И. Гучкова, надеясь получить на Востоке помощь оружием от Японии [23. С. 299]. Некоторые подпольные группировки Сибири, несомненно, ориентировались на Дальневосточный комитет, контактируя с его эмиссарами [14. С. 120; 24. С. 67].

Единственным городом, из посещенных Флугом, в котором эсеры действительно лидировали, был Иркутск. Во многом потому, что внепартийная офицерская организация была разгромлена большевиками на стадии зарождения [4. С. 261; 5. С. 365]. Но и там посланцам Корнилова удалось внести лепту в реоргани-

зацию подполья. Каргаловский кружок хотел включить в состав миссии Флуга местных деятелей, в частности тюменского предпринимателя, кадета С.И. Колокольникова, бывшего члена I Государственной думы [4. С. 256, 264; 7. Л. 43]. Но у Делегации не было ни связи с Добровольческой армией, ни денег, поиск которых на месте ронял ее авторитет. А главное, отъезд на Дальний Восток, где надеялись получить помощь союзников, и восстание чехов отбросили миссию на периферию борьбы. Общесибирским координатором военного подполья она не стала. Но в Омске Делегация решила все задачи, поставленные ей Корниловым: сгруппировала самозародившиеся, разобщенные, кустарно устроенные «отряды» в единую организацию, связала ее с политическими и торгово-промышленными кругами, наладила финансирование, наконец, наметила структуры, готовые взять власть. Это были кардинальные перемены. Благодаря миссии Флуга в Омске возник неформальный союз военных, правых кадетов и предпринимателей, солидарные согласованные действия которого прослеживаются и в борьбе за власть летом – осенью 1918 г.

Решающую роль в возникновении военного подполья Сибири сыграло беспартийное офицерство, финансируемое частными предпринимателями и правосоци-

листическим руководством кооперации. Эсеры центра, доминировавшие в ПСР и правительстве Дербера, вернувшись к идее коалиции с цензовиками, принялись в апреле–мае 1918 г. отстраивать свои нелегальные вооруженные структуры, пытаясь подчинить уже существующие «отряды». Но, по оценке Флуга, внепартийные офицерские организации не признавали этого правительства, а часто даже не знали о его существовании [4. С. 258–259]. П.П. Иванов (Ринов) в ходе восстания взял власть в Омске и расставил на ключевые посты членов Каргаловского кружка. Почему он уступил власть Западно-Сибирскому комиссариату – отдельная тема. Но его люди как опытные управленцы были использованы и комиссариатом, и Временным Сибирским правительством, что упрочило влияние Омского военно-промышленного комитета [24. С. 87–88]. Ядро Сибирской армии (1-й Средне-Сибирский и 2-й Степной корпуса) выросло из двух внепартийных офицерских организаций, принимавших политическое руководство правых областников (Потанинский кружок) и правых кадетов (Каргаловский кружок), поднятых на более высокий уровень с помощью харбинского штаба генерала М.М. Плешкова и добровольческой миссии генерала В.Е. Флуга и ориентировавшихся в вопросе о власти на Дальневосточный комитет и генерала Д.Л. Хорвата.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ларьков Н.С.* Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995.
2. *Добровольский А.В.* Эсеры Сибири во власти и в оппозиции (1917–1923 гг.). Новосибирск, 2002.
3. *Шиловский М.В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003.
4. *Отчет* о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 г. // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9.
5. *Контрреволюция* в Сибири. Доклад подполковника Глухарева // Красная летопись. М.; Пг., 1923. № 5.
6. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)*. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 15.
7. ГАРФ. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 16.
8. *Ганин А.В.* Тайная миссия генерала Флуга // Родина. М., 2007. № 12.
9. *Черняк Э.И.* Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 г.). Томск, 2001.
10. *Поликарпов В.Д.* Пролог гражданской войны в России (октябрь 1917 – февраль 1918). М., 1976.
11. *С.-А.* Военные организации Сибирского правительства // Сибирская жизнь (Томск). 1919. № 112. 5 июня.
12. *Путь народа* (Томск). 1918.
13. *Омский вестник*. 1918.
14. *Временное Сибирское правительство* (26 мая – 3 ноября 1918 г.): Сб. док. Новосибирск, 2007.
15. *Мельгунов С.П.* Трагедия Адмирала Колчака. Белград, 1930. Ч. 2.
16. *Вечерняя заря* (Омск). 1917.
17. *Сибирская речь* (Омск). 1919.
18. *Государственный архив Омской области*. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 10.
19. ГАРФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 4.
20. *Березовский Е.П.* Из воспоминаний о Л.Г. Корнилове // Русское слово (Харбин). 1928. № 655. 25 апреля.
21. *Российский государственный военный архив*. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 91.
22. *Кирилов А.А.* Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. Прага, 1928. № 4.
23. *Нестерович-Берг М.А.* В борьбе с большевиками // Зарождение Добровольческой армии. М., 2001.
24. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 1.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 мая 2009 г.